

Герцель Давыдов

АКИВА И РАХЕЛЬ

История великой любви

Герцель Давыдов

Акива и Рахель.

История великой любви

«Автор»

2013

Давыдов Г.

Акива и Рахель. История великой любви / Г. Давыдов — «Автор», 2013

Книга, представленная вниманию читателей, основана на истории высокой любви между раби Акивой и Рахель, описанной в Талмуде. Именно благодаря своей жене Акива сумел преодолеть путь от неграмотного пастуха до одного из величайших мудрецов в истории Иудеи. В этом произведении рассказывается о родившемся в бедной семье и не получившем никакого образования в молодости Акиве. Он был простым пастухом и, перебираясь с места на место, везде выполнял тяжелую работу. Но однажды судьба преподнесла ему удивительный подарок, послав встречу с прекрасной девушкой. Молодая, образованная Рахель была единственной дочерью Кальбы Савуа, богатейшего человека Иерусалима. Эта встреча в корне изменила жизнь Акивы, который влюбился в девушку с первого взгляда. Понимая, что между ними большая разница в возрасте и, тем более, в социальном положении, он старался не думать о Рахель, но ничего не мог с собой поделать. Девушка, видя скромность и добродетельность пастуха, согласилась выйти за него замуж — при условии, что тот начнет изучать премудрости Торы. Однако Кальба Савуа, отец Рахель, всячески противился их браку. Рахель же, прекрасно понимая, что будет сложно перевоспитать и обучить грамоте тридцатипятилетнего мужчину, тем не менее была настроена решительно. Кальба Савуа, узнав о решении дочери, выгнал ее из дома, лишив наследства. Эта история, произошедшая около 2000 лет назад, на протяжении веков передавалась из поколения в поколение как эталон высоких отношений между мужчиной и женщиной. По мере развития сюжета в книге поднимаются важные вопросы о необходимости молитв, об иллюзорности мира, о том, что все в этом мире предрешено и случайностей не бывает, и так далее.

© Давыдов Г., 2013

© Автор, 2013

Глава 1

ИЕРУСАЛИМ! ИЕРУСАЛИМ!

Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя.

Пусть прилипнет язык мой к нёбу моему, если не вспомню о тебе, если я не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего.

Тэилим, 137:5-6

После падения Иерусалима в 3830* году, когда Второй Храм был сожжён, мудрецы Иудеи всеми силами стремились сохранить центры изучения Торы. Часть из них выступали против иудейского восстания и считали, что возможность продолжать изучать Тору важнее, чем политическая независимость. Но решительно настроенные отдельные отряды выступили против римской армии, и это привело к катастрофе. Город был практически разрушен, а оставшиеся в живых жители оказались в невероятно сложных условиях.

В городе стояла изнуряющая жара, несмотря на то что солнце уже совершало свой обратный путь и садилось за горизонтом. Обозревая окрестности Иерусалима, путник не собирался останавливаться и хотел во что бы то ни стало попасть на рыночную площадь до темноты. Он долго блуждал между узкими улочками, похожими друг на друга как две капли воды, пока, отчаявшись добраться до рынка к вечеру, не

* По иудейскому летоисчислению; 70 г. н.э.

решил укрыться в тени высокого дерева, чтобы переждать жару. Немного отдохнув в тени раскидистого дерева, мужчина, разглядев неподалеку лавку торговца пряностями и устремился к ней.

На скамье у входа в лавку сидел пожилой иудей в кипе.

– Мир тебе*, господин! – обратился к нему путник.

– Мир и тебе, – ответил седой иудей.

– Эта дорога приведет меня к рынку?

– Иди прямо и придешь на рынок.

Странник попросил разрешения постоять в тени и немного отдышаться. Торговец охотно позволил и предложил путнику воды. Незнакомец быстро осушил сосуд.

– Благодарю тебя, господин.

– В Иерусалиме в это время года всегда очень жарко, хочешь еще воды?

– Нет, я уже напился.

– У тебя усталый вид, ты идешь издалека? – поинтересовался хозяин лавки, приняв кувшин.

– Да, я проделал долгий путь.

– За многие годы я научился с первого взгляда определять, кто есть кто. Увидев тебя, я сразу догадался, что ты не здешний житель. Кого ты ищешь в Иерусалиме?

– Я здесь никого не знаю и пришел в Иерусалим из Га-

лилеи** в поисках заработка, – ответил мужчина. – Мое имя Акива бен Йосеф***, я происхожу из геров****.

– Я Шэтия, торгую пряностями в Иерусалиме вот уже 60 лет. – Старик с достоинством произнес свое имя.

* В иврите нет обращения на «вы» к одному человеку.

** Галилея – историческая область на севере Израиля.

*** Акива бен Йосеф – букв. «Акива сын Йосефа».

**** Гер – потомок нееврея, перешедшего в иудаизм.

– Не найдется ли у тебя какой-нибудь работы для меня?

– спросил Акива. – Ты пожилой человек, а я готов выполнять любую, даже тяжелую работу за небольшую плату.

– Какая может быть работа у торговца в разграбленном и разоренном городе? Раньше дела шли хорошо, но теперь слава Б-гу, если хватает денег купить еду и питье. Ты, наверное, голоден?

– Да, но у меня есть немного денег, и я куплю себе еду на рынке.

– Деньги тебе еще пригодятся, и рынок уже скоро закроется, а торговцы будут спешить домой. Если у тебя нет знакомых в Иерусалиме, то отужинай со мной и моей женой Охелией, нам будет приятно.

Акива удивился, он не ожидал такого гостеприимства.

– Я готов отработать свой ужин. Ты меня совсем не знаешь, и я думаю, это будет справедливо.

– Ничего отрабатывать не нужно, мы почтем за честь, если ты поделишь с нами трапезу.

– Чем почетно присутствие такого простого человека, как я, для вас, жителей Иерусалима? – еще более удивился Акива.

– Если ты поужинаешь в нашем доме, мы хоть в чем-то сможем уподобиться праотцу нашему Аврааму, который разбил свой шатер посреди пустыни и приглашал в свой дом путников. Он не брал с них денег, все, что он просил, это чтобы они прочли благословение после еды и поблагодарили Единого Б-га.

– Авраам ваш родственник?

– Авраам всем нам родственник, так как он является отцом множества народов. Мы с женой всегда стараемся приглашать в свой дом гостей, следуя примеру праотца нашего Авраама, особенно по большим праздникам.

– Я никогда не слышал о нем, – признался Акива.

«Да, – покачав головой, подумал Шэтия, – встречаются еще невежды в Иудее, которые не знают Авраама».

– Ну что ж, преломи с нами хлеб. Ты расскажешь о себе, а я о Иерусалиме и Аврааме, – сказал вслух хозяин лавки. Его жена отправилась в амбар за продуктами, чтобы приготовить еду на долю гостя. Мужчины вошли в дом, разулись, и хозяин дома предложил Акиве воды, чтобы он смог умыться после долгого пути. Затем и сам Шэтия умылся, и они прошли с Акивой к уже накрытому столу.

Гостя усадили около хозяина дома. Прежде чем приступить к трапезе, Шэтия произнес благословение, и все принялись за еду. Акива ел с большим аппетитом, но пытался сдерживать себя, чтобы не показаться невоспитанным. Он уже съел большой кусок мяса, когда хозяин дома поинтересовался:

– Акива, чем ты раньше зарабатывал себе на жизнь?

– Зарабатывал чем придется: пас скот, колол дрова или собирал хворост в лесу, а затем продавал их на рынке. – Акиве пришлось оторваться от тарелки с вкусной пищей.

– Шэтия, позволь, пожалуйста, гостю спокойно доесть ужин, потом поговорите, – вмешалась жена хозяина. Шэтия прислушался к совету жены.

Тарелка Акивы быстро опустела, и когда хозяин предложил добавки, он охотно согласился. Манеры Акивы смущали столичных жителей, но гостеприимные хозяева пытались не показывать виду. По завершении трапезы Шэтия призвал Акиву вместе с ним прочесть благословение, но тот признался, что не владеет грамотой и не умеет ни читать, ни писать, а про благословение после еды слышит впервые. Шэтии было странно слышать это. Он один прочел благословение после еды, и хозяйка дома принялась убирать со стола.

– Разве ты в детстве не ходил учиться грамоте, что не умеешь в зрелом возрасте писать и читать? – вернулся Шэтия к не дающему ему покоя вопросу.

– Я рано начал работать, и хотя мне уже тридцать пять лет, у меня никогда не было ни денег, ни времени, чтобы учиться, – грустно произнес Акива.

– Да, Акива, нелегко тебе придется в Иерусалиме, таких здесь называют ам-аарец*.

– В моем возрасте поздно что-либо менять.

– Священное Писание свидетельствует, что никогда ничего не поздно, запомни это. Ты сказал, что у тебя нет родственников в Иерусалиме.

– Да, я здесь никого не знаю.

– Сейчас уже поздно, оставайся у нас, а завтра с утра мы подумаем, что тебе делать и чем заняться в нашем городе.

Акива обычно просыпался чуть свет, но в этот раз проспал до обеда. Палящие лучи августовского солнца наконец разбудили его. За накрытым столом Акиву уже дожидались хозяева дома.

– Давно так не спал, ведь я обычно встаю с рассветом и ложусь спать поздно ночью, но, видимо, из-за долгого пути, который мне пришлось вчера пройти, я проспал до позднего часа.

– Это хорошо, что ты выспался. Мы старались тебя не будить, так как силы тебе понадобятся.

В скором времени супруга господина Шэтии накрыла на стол и пригласила своего мужа и гостя завтракать. Жареные лепешки, свежий козий сыр и ароматный кофе взбодрили

Акиву. Он, как и накануне, ел с большим аппетитом, но потом вдруг резко остановился. Он подумал, что и так злоупотребляет гостеприимством и если съест все, что стоит на столе, это будет неправильно.

– Что случилось, Акива, почему ты не ешь? – обеспокоилась хозяйка.

* Ам-аарец – букв. «народ земли», так называли невежд и простолюдинов.

– Благодарю, я уже сыт, и мне нужно идти, я и так у вас задержался.

– Не спеши, поешь и попей хорошенько, силы тебе пригодятся. Куда ты собираешься идти, Акива? – остановил его Шэтия.

– Пойду на рынок и поспрашиваю у торговцев, не требуются ли им работники. Мне очень нужна работа, чтобы купить еду и оплатить ночлег.

– Возможно, Кальбе Савуа нужны работники.

– Кто такой Кальба Савуа?

– Кальба Савуа – один из трех самых богатых людей в Иерусалиме, – ответил хозяин. – Я раз в неделю отвожу пряности для его семьи, и мы уже много лет хорошие знакомые. Его дом всегда полон гостей, и за это он носит прозвище Кальба Савуа*.

– Почему у него такое странное прозвище? – удивился Акива.

– Потому что, если даже собака входит в его дом голодной, она выходит оттуда сытой. Двери его дома всегда открыты для гостей, и он тоже стремится походить в этом на праотца нашего Авраама. – Шэтия немного помолчал и с грустью добавил: – Но сейчас, после неудавшегося восстания, римляне обложили его высокими налогами.

– Он принимал участие в восстании? – удивился Акива.

– Он не только уважаемый и богатый человек, он верный сын своего отечества. Трое самых богатых иерусалимских жителей помогали восставшим.

– Кто же другие двое?

– Накдимон бен Гурион и Бен Цицит Акесет. О богатстве этих людей складываются легенды. Они втроем могли бы прокормить весь Иерусалим.

* Кальба Савуа – букв. «сытая собака».

– Почему тогда римлянам удалось захватить Иерусалим и разрушить город?

– Узнав о приближении римской армии, Кальба Савуа, Накдимон бен Гурион и Бен Цицит Акесет наполнили свои склады продовольствием, которого в случае осады города должно было хватить на двадцать один год. Они были уверены, что у римлян не хватит сил и продовольствия для долгой осады и они отступят. Но некоторые жители Иудеи не желали следовать этому плану и жаждали сразиться с римлянами ли-

цом к лицу. Они подожгли склады в надежде на то, что, когда в городе не останется еды и воды, не будет и возможности выжидать и тогда сограждане вместе с ними бросятся в бой. Чем это закончилось, всем известно.

– Я почел бы за честь работать у столь уважаемого человека. Если он примет меня, я буду, господин Шэтия, тебе очень благодарен.

– Не нужно мне никаких благодарностей, доедай свой завтрак, и мы отправимся к Кальбе Савуа – как раз сегодня повезу ему пряности, – произнес торговец и затем, будто разглядев в глазах Акивы вопрос, пояснил: – Евреи должны помогать друг другу и держаться вместе, особенно в столь тяжелые для нашего народа дни.

Акива был очень взволнован: если удастся устроиться к этому богачу, то он получит хорошее жалованье, крышу над головой и сможет пережить сложные времена.

Взвалив тяжелую сумку с пряностями на спину осла, они отправились в путь. Дорога, по которой они должны были идти, проходила мимо рынка.

– Если ничего не получится, я хочу вернуться сюда до захода солнца и поискать работу у торговцев. Может, кому-то понадобится моя помощь, – сказал Акива.

Старик его остановил:

– На рынок ты всегда успеешь прийти и найдешь здесь разную работу, но если тебе удастся устроиться у Кальбы Савуа, это будет надежнее.

– Да, уважаемый Шэтия, ты прав. Мне уже за тридцать, и я хочу добрую работу, чтобы спокойно встретить старость, – согласился Акива.

Вдали, за городским рынком виднелись руины когда-то многочисленных строений и среди них одна-единственная сохранившаяся стена.

Шэтия, поймав взгляд спутника, брошенный на городские развалины, пояснил:

– Это Храмовая гора – на ней и возвышался Храм! Тысячу лет наши предки чтили это место и приходили сюда молиться. Римляне разграбили и разрушили наш Второй храм всего через шесть лет после окончания его строительства. Это произошло 9 ава* 3830 года (2 августа 70 г. н.э.). Это не единственное печальное событие, приходящееся на эту дату. Первый храм – храм царя Шломо**, построенный около тысячи лет назад, – тоже был разрушен именно 9 ава.

– Ты можешь считать меня глупым, господин, но я не верю во все эти совпадения.

– Акива, какое я имею право думать о тебе так? Все мы равны перед Вс-вышним, благословенным, и можем иметь свою точку зрения на происходящие события. Если бы Он, милосердный, хотел, чтобы у всех людей были одинаковые взгляды

ды на разные события, то Он бы так и сделал. Но раз мы все

* Месяц ав – пятый месяц еврейского календаря, если отсчитывать месяцы от исхода из Египта. Соответствует приблизительно июлю–августу.

** Царь Шломо (на рус. яз. – Соломон) – сын царя Давида от Бат-Шевы, третий еврейский царь. Царь Шломо оставил после себя три книги: «Шир а ширим» (Песнь песней), «Мишлей» (Притчи царя Соломона) и «Коэлет» (Экклезиаст).

разные, то, значит, так и должно быть. Но я часто думаю, почему недавние печальные события и разрушение храма Шломо произошли в один и тот же день. Может, это знак?

– Я не могу дать тебе ответ на этот вопрос, уважаемый Шэтия. А почему Первый храм ты называешь храмом Шломо? Его построил Шломо Мудрый?

– Да, Первый храм был построен великим царем Шломо, которого многие называют Шломо Мудрый, по праву считавшимся умнейшим человеком. Есть и такие, кто именует его Шломо Великим, так как время его правления считается эпохой расцвета монархии и иудейского могущества. Он славился необычайным богатством, а самое главное – мудростью и справедливостью. Когда я вижу, что творится в Иерусалиме, вспоминаю историю с перстнем Шломо и нахожу некое утешение.

– А что было необычного в его перстне?

– Говорят, что на его перстне была высечена фраза: «Все проходит». И в моменты сильного гнева царь Шломо всегда смотрел на эту надпись, и это помогало ему обрести спокойствие. Но однажды он так разгневался, что не смог совладать с собой, даже смотря на эту надпись. В гневе он сорвал кольцо с пальца и уже собрался бросить его, как в последний момент заметил светящиеся буквы на внутренней стороне кольца. Он приблизил кольцо – надпись гласила: «И это тоже пройдет». Шломо рассмеялся и снова надел кольцо.

Торговец тяжело вздохнул:

– Может, и эти сложные для нашего народа времена пройдут...

– Ты тоже мудрый человек, господин Шэтия. Даже если Кальба Савуа не примет меня, я все равно буду тебе очень благодарен, – отозвался Акива.

Шэтия не согласился:

– Я стараюсь учиться, общаться с мудрецами Торы, учениками ешив*, хожу в синагогу, но все равно до мудрости царя Шломо мне ой как далеко. Он великий царь, он удостоился чести построить Храм, а я простой смертный. Акива, если у тебя возникнет желание, можешь посещать синагогу со мной.

– Уважаемый Шэтия, прости, но сейчас я к этому не готов. И ты знаешь, за всю мою жизнь у меня сложилось не совсем

положительное впечатление о религиозных людях.

– Я не настаиваю! К этому каждый должен прийти сам, каждый сам должен проложить свою дорогу к мудрости. Когда будешь готов, скажи.

Акива молча согласился, и оставшуюся часть пути они прошли без единого слова, думая каждый о своем. Время приближалось к полудню, и солнце нещадно пекло, когда Шэтия сказал:

– Ну, вот мы и пришли – это владения Кальбы Савуа.

С возвышенности, на которой стояли Акива и Шэтия, был виден огромный особняк с цветущим садом и тучное поле, которое пересекала протекающая по нему речка.

* * *

Путники прошли в ворота имения Кальбы Савуа, и Шэтия, прихватив сумку с пряностями, направился к огромному особняку, поручив Акиве своего осла. Поравнявшись с деревянным колодцем, стоявшим посреди двора, торговец увидел бегущую ему навстречу молодую девушку, лет двадцати, необыкновенно красивую. Она радушно поприветствовала гостя

* Ешива – букв. «сидение, заседание»; еврейское высшее религиозное учебное заведение.

и поднесла ему кувшин с водой, набранной из колодца. Шэтия умылся и, выпив холодной воды, прошел в дом.

Приняв кувшин из рук Шэтии, девушка наполнила его еще раз, чтобы, как обычно, напоить осла, но увидела незнакомца и подошла к нему.

– Пей, пожалуйста, – протянула она кувшин гостю, – наверное, тебе с господином Шэтией пришлось преодолеть долгий путь.

Акива скромно принял кувшин из рук девушки, внимательно посмотрев в ее карие глаза. Он сразу же влюбился в нее, его одинокое сердце распахнулось ей навстречу.

– Ты пей сколько угодно, а я пойду напою и накормлю осла господина Шэтии. Наверное, жажда измучила бедное животное, ослик выглядит усталым, – продолжала девушка.

Набрав очередной кувшин, девушка наполнила водой глубокое корыто и, подведя осла к воде, стала гладить его по шерсти и нежно приговаривать:

– Пей, ослик, ты сегодня много ходил и, наверное, очень устал.

Когда осел осушил корыто, девушка забрала пустой кувшин у Акивы и, вернув его к колодцу, направилась в дом.

Кальба Савуа встретил старого знакомого со всеми почестями и пригласил отобедать. Трапеза прошла в беседах о Иерусалиме и будущем иудеев в родной стране. Кальба Савуа пошел по обыкновению проводить гостя до двери, когда Шэтия сказал:

– Я могу обратиться к тебе с просьбой?

– Если у тебя торговля идет не очень хорошо и тебе нужны

деньги, буду рад тебе помочь, – с готовностью откликнулся Кальба Савуа. – Вернешь, когда сможешь, а если не сможешь, то мы оба забудем об этом. Ты мне как старший брат.

– Вчера к моему дому подошел человек, и я пригласил его поужинать. Он издалека, и ему нужна работа. Мне хотелось

бы помочь ему, но я не знаю как и потому решил обратиться к тебе.

– Ты напугал меня, мой дорогой Шэтия, я думал, у тебя произошло что-то серьезное. Приведи его, я дам ему работу, еду и ночлег. Мне нужны помощники и управляющие, которые смогут вести хозяйство. Я один уже ничего не успеваю.

– Да, Кальба Савуа, мы с тобой не молодеем, и нам нужны помощники. Но он не справится со столь ответственной должностью. Думаю, вести хозяйство ему не совсем подойдет. Может, у тебя есть более простая работа?

– Зачем простая? Раз ты просишь, я дам моему человеку хорошую работу.

– Акива не умеет ни писать, ни читать, и я думаю, ему будет сложно работать твоим помощником.

– Сколько же ему лет?

– Около сорока, он ам-аарец, но он показался мне очень хорошим человеком, несмотря ни на что.

– Сегодня в Иерусалиме редко встретишь человека, который в таком возрасте не умеет читать и писать. Он правоверный иудей, посещает синагогу, знает молитвы, читает благословение после еды? – спросил Кальба Савуа.

– Нет, он говорит, что всю жизнь занимался тяжелым трудом и у него не было времени учиться.

– Что ж, я попрошу своих помощников научить его молитвам... после работы, конечно, – засмеялся Кальба Савуа. — Поголовье скота увеличилось, и мне нужен хороший пастух. Приводи своего Акиву, и мой помощник Эзра покажет ему имение и скот.

– Он пришел со мной и сейчас ожидает у ворот.

– Тогда пусть приступает к своим обязанностям прямо сегодня, – улыбнувшись, произнес Кальба Савуа.

– Благодарю тебя, Кальба Савуа, ты столько делаешь для нашей общины. Будь благословен!

– Я уверен, что, если бы у тебя была возможность, ты поступил бы так же.

– Я простой торговец, но ты, Кальба Савуа, уважаемый человек – цадик*. О тебе люди слагают легенды и, наверное, будут говорить даже через тысячу и две тысячи лет как об одном из самых богатых людей Иерусалима.

Шэтия сообщил радостную новость Акиве. Тот сердечно поблагодарил своего покровителя и направился вместе с Эзрой, управляющим хозяйством и помощником Кальбы Са-

вуа, знакомиться с хозяйством.

Эзра показал Акиве, как устроено имение, и по поручению Кальбы Савуа отвел ему отдельную комнату в доме, где жили слуги. Также Кальба Савуа положил ему хорошее жалованье и дал даровой стол вместе с другими слугами.

Акиве нравилась работа, он мог в одиночку подолгу пасти у реки скот, за которым должен был присматривать. Он радовался тому, как всё устроилось, и был готов прожить так всю оставшуюся жизнь.

* Слово «цадик» происходит от слова «цедек», что на иврите значит «справедливость»; человек, который стремится жить по законам Торы и помогать ближнему.

Глава 2

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Я принадлежу любимому моему, а любимый мой принадлежит мне; он пасет между лилиями.

Шир а-Ширим, 2:16

Осень выдалась дождливой. Акива по-прежнему пас овец в имении Кальбы Савуа и получал приличное жалованье. Каждое утро он выгонял из загона отару овец и спускался со стадом к пастбищу около реки. Животные мирно паслись, а пастух любовался природой и наблюдал за тем, как течет река.

Акива очень заботился о своем стаде и старался, чтобы животные паслись в хорошем месте, где растет сочная трава. Он оберегал овец от чрезмерного холода, шума и невыносимой жары. В дни, когда гости Кальбы Савуа, желающие пообедать на свежем воздухе, переходили в беседку, с которой открывался прекрасный вид на реку, и подолгу спорили о будущем еврейского народа, Акива перегонял овец в более спокойное место. Пастух считал, что умиротворенные овцы смогут давать больше шерсти, а их мясо будет ароматнее и сочнее. Но в дни, когда та юная девушка в компании служанки подолгу читала в беседке книги, Акива не угонял стадо, он изредка бросал взгляд в ее сторону, чтобы узнать, не смотрит ли она на него. Девушка, увлеченная чтением, не замечала пастуха, а когда ее глаза уставали, она переводила взгляд на реку, на ее блестящие под лучами палящего солнца воды. По пятницам Акива пригонял овец на пастбище с первыми лучами солнца, чтобы успеть вернуться обратно до

наступления темноты. После заката начинался шаббат*, а в шаббат в имении Кальбы Савуа иудеи не работали. Иногда Акива по приглашению господина Шэтии встречал шаббат в его доме. Пожилые супруги радовались его приходу и радушно встречали гостя.

Акива давно терялся в догадках, кто та прекрасная незнакомка, напоившая его водой, как ее зовут, но ответов на свои вопросы не находил. Боясь вызвать гнев управляющего, Акива молчал и не обращался к нему за разъяснениями.

Иногда, возвращаясь в имение после работы, он направлял-

ся к колодцу в надежде хоть на мгновение увидеть милую девушку. Наполняя кувшин, Акива подносил его к губам, медленно пил из него, стараясь рассмотреть, что происходит вокруг. Иногда ему удавалось увидеть, как девушка развешивает белье вместе со служанкой, кормит лошадей или наполняет кухонными отходами огромное корыто около дверей дома. Она регулярно делала это, чтобы корыто не пустовало и бродячие собаки могли поесть из него. Акиве нравилось наблюдать, как она трудится, но больше всего ему нравилась ее теплая улыбка. Но однажды, в один жаркий летний день, наполняя кувшин водой из колодца, Акива услышал громкий лай собак и, обернувшись, увидел, как бездомная собака, прибежавшая к корыту, яростно лаяла на девушку, пытавшуюся, как обычно, наполнить его отходами. Собака, увидев кастрюлю в ее руках и учуяв запах съестного, продолжала лаять на девушку, вынуждая бросить кастрюлю с содержимым на землю.

Акива бросился на помощь, криками пытаясь отогнать озлобленную псину. Собака неохотно отступила, потом решила

* Шаббат (Суббота) – седьмой день недели в иудаизме. По законам Торы в этот день следует воздержаться от работы. Шаббат начинается с вечера пятницы и считается наиболее значительным из еврейских праздников.

вернуться и отвоевать кастрюлю. Акива замахнулся на нее кулаком – посоха с ним не было, и собака, прежде чем убежать, укусила его за руку. Девушка бросилась к Акиве, но пастух молча повернулся к ней спиной и ушел.

Она глядела вслед человеку, который быстро удалялся в сторону реки, чтобы промыть рану, здоровой рукой одновременно зажимая кровоточащий покус. Она никогда не видела сразу столько крови и поэтому долго не могла уснуть, думая о своем пастухе-герое.

Акива, которого по роду его прежних занятий не раз кусали собаки, насекомые и даже змеи, не придавал случившемуся особого значения. Он промыл руку водой из реки и, крепко перевязав ее, стал думать о девушке. «Возможно, она дочь служанки, она повсюду сопровождает ее, или родственница Кальбы Савуа», – рассуждал он сам с собой.

Проходил день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Дела в Иудее обстояли все хуже и хуже. Иерусалим был разрушен, жители города с трудом сводили концы с концами. Они исправно платили большие налоги римлянам, чтобы не повторить судьбу других иудеев и не быть угнанными в рабство. Жители пытались воссоздать в Иудее духовную жизнь в отсутствие Храма и сохранить Священное Писание для еврейского народа.

Акива же был далек от всего этого, он не думал ни о Торе, ни о разрушении Храма. Каждый день он выводил овец на пастбище и с волнением ждал встречи с прекрасной незнакомкой.

* * *

Наступающий шаббат Акиве предстояло встретить у Шэтии. После обеда он загнал овец и, предупредив управляющего, что сегодня не будет присутствовать на праздничной трапезе,

отправился в дом Шэтии. У главных ворот он снова встретил знакомую птицу с прекрасными длинными волосами. Ее шею украшала золотая цепочка, на которой висели три непонятные для Акивы буквы. Он не мог отвести от девушки глаз и едва не ударился головой о ворота. Направляясь в дом господина Шэтии, пастух всю дорогу думал о ней.

После сытного ужина господин Шэтия прочел благословение, завершающее шаббатную трапезу. Затем он вкратце рассказал Акиве и своей жене Охелии об основных моментах в недельной главе Торы и, после того как все традиции были соблюдены, спросил у гостя:

– Акива, как тебе работается у Кальбы Савуа?

– Спасибо, очень хорошо. У меня еще никогда не было такой работы и такого хорошего заработка. Мне нравится пасти овец и целый день быть на свежем воздухе.

– Ты не устаешь?

– Я работаю с самого детства и привык к любой работе.

Работа у Кальбы Савуа легкая по сравнению с тем, что мне приходилось делать раньше. Раньше я работал круглый год, с утра и до позднего вечера, без отдыха, а сейчас я отдыхаю в шаббат и праздники. Господин Шэтия, я хотел узнать, сегодня какой-то иудейский праздник?

– Нет! Почему ты спрашиваешь?

– В имении Кальбы Савуа с самого утра все суетятся.

– Кальба Савуа сегодня празднует свой шестидесятый день рождения. Я был сегодня в его доме, привозил свежие пряности и даже успел подарить имениннику серебряную Менору*. Он уговаривал меня остаться и разделить это радостное

* Менора – букв. «светильник». Семиствольный светильник (семисвечник), который стоял в Иерусалимском храме. С древнейших времен – символ иудаизма, еврейский религиозный атрибут.

событие с ним и его многочисленными друзьями, среди которых был даже раби Йоханан бен Закай* из Явне. Но я, попросив прощения и подняв за его здоровье бокал красного вина, поспешил вернуться домой к шаббату.

– Кто такой раби Йоханан бен Закай? – поинтересовался Акива.

– О, это один из самых известных и уважаемых раввинов.

Он глава ешивы в городе Явне и на сегодняшний день духовный лидер всей Иудеи. Мне посчастливилось несколько раз пообщаться с ним, он просто замечательный человек, настоящий лидер. Глядя на то, как такому пожилому человеку удается сохранять ясность ума, мудрость и лидерские качества, просто поражаешься.

Но Акиве, услышавшему в рассказе Шэтии фразу об имени Кальбы Савуа, сразу вспомнилась девушка, и история о раввине отодвинулась на второй план. Акива, слушая хозяина дома, увлеченно рассказывающего о своей первой встрече с раби Йохананом бен Закаем, мысленно подбирал слова, чтобы задать давно мучающий его вопрос, и, как только наступила короткая пауза, он, не дождавшись окончания рассказа о раввине, произнес:

– Господин Шэтия, могу я тебя спросить? Ты часто бываешь в имении Кальбы Савуа, скажи, как зовут молодую девушку, живущую в его доме?

– У него живет много женщин. Одни убирают в доме, другие ведут хозяйство, третьи готовят, еще одни стирают одежду. Которая из них тебе понравилась? – улыбнулся старик.

– Очень милая девушка лет двадцати, с красивыми длинными волосами.

* Раби Йоханан бен Закай – выдающийся раввин и мудрец эпохи разрушения Второго Храма. Возглавлял Санедрин в городе Явне.

– Покажи мне ее при случае, и я, возможно, вас познакомлю. Если хорошая девушка и она работает у Кальбы Савуа, то я замолвлю перед ним слово за тебя.

– Молодая девушка с длинными черными волосами. Помнишь, когда мы в первый раз переступили порог дома Кальбы Савуа, она угостила нас водой из колодца, и еще в прошлый раз, когда ты приходил с пряностями, она провожала тебя с Кальбой Савуа до ворот. Я в это время возвращался с пастбища с овцами. Шэтия силен был вспомнить, кто же его провожал в последнюю среду, когда он выходил от Кальбы Савуа. Вдруг он вздрогнул и громко крикнул:

– Забудь о ней!

– Что с тобой произошло, Шэтия? – испугалась госпожа Охелия.

– Забудь о ней и даже не смотри на нее, я тебя очень прошу, – настойчиво повторял взволнованный Шэтия. Он повернулся к обеспокоенной супруге: – Ты знаешь, о ком он говорит? Он говорит о Рахель, дочери Кальбы Савуа.

Шэтия сильно встревожился, его лицо побагровело. Но, не смотря на просьбы жены успокоиться, он продолжал волноваться.

– Если Кальба Савуа узнает, что она тебе нравится, – обратился старик к Акиве, – или, того хуже, что ты пытаешься с ней познакомиться, он сделает так, что ты больше никогда не будешь работать в Иерусалиме. Ты хочешь потерять работу и снова каждый день искать заработок?

Акива опустил голову.

– Прости, что я тебя заставил волноваться. Мне даже в голову не могло прийти, что у Кальбы Савуа такая юная дочь.

– Она поздний ребенок, поэтому он ее так любит и бережет.

Дочь – все, что у него осталось. Прошу тебя, Акива, выбрось ее из головы, – уже более спокойным тоном произнес Шэтия.

Акива и госпожа Охелия пытались сменить тему разговора на более нейтральную, и, когда он немного успокоился, все пошли отдыхать.

Акива долго не мог заснуть и пребывал в грусти. Разве мог такой бедняк, как он, жениться на дочери самого Кальбы Савуа? Он убеждал себя прислушаться к совету господина Шэтии и больше не думать о ней, но ничего не мог с собой поделать. Все его мысли были только о ней, о Рахель. Теперь, когда ему стало известно ее имя, оно казалось ему самым прекрасным на свете. Но, взвесив все еще раз, Акива все-таки решил взять себя в руки и навсегда забыть о красавице, чтобы не портить жизнь себе и не подвергать опасности дружбу господина Шэтии с Кальбой Савуа.

* * *

Жизнь текла, как прежде. Первая зима Акивы в имении Кальбы Савуа выдалась холодной. Ему приходилось много работать, чтобы в таких условиях сохранить поголовье овец. Он трогательно заботился об овцах и проводил с ними большую часть своего времени, так как работа помогала ему хоть некоторое время не думать о Рахель.

Весеннее солнце снова начало согревать приходивших в себя после холодной зимы жителей Иерусалима. Тропинка, ведущая к реке, подсохла, и Акива стал чаще выводить овец к реке. Прекрасные солнечные дни время от времени сменялись дождливыми, но они не могли омрачить жизнь Акивы, который получал удовольствие от своей работы. Ближе к Пейсаху*, как обычно, в имении Кальбы Савуа было принято про-

* Пейсах – иудейский праздник, который празднуется весной в память Исхода евреев из Египта.

водить учет. Акиве, несмотря на холодную зиму, удалось не только сохранить, но и увеличить поголовье скота.

Управляющий был доволен Акивой и пообещал поговорить с Кальбой Савуа о прибавке к жалованью.

Пейсах в имении Кальбы Савуа, как и во всей Иудее, праздновали широко, вопреки всем трудностям. После празднования Пейсаха Акива снова начал ежедневно выводить овец к реке, но, как только сгущались тучи, грозя дождем, он сразу же спешил привести отару обратно в загон.

Стоял весенний день. Внезапно хлынул сильный дождь.

Акива никак не мог справиться с отарой, которая, слыша гром и пугаясь молнии, с блеянием разбегалась в разные стороны. Он весь промок и приложил немало усилий, чтобы загнать всех овец в загон. Заперев овец, он и сам хотел укрыться от ливня и ураганного ветра, переодеться и согреться, но, бросив напоследок взгляд на пастбище, увидел забытого им ягненка. Сильный

ветер сдувал его в сторону реки. Ягненок боролся из последних сил, чтобы не сорваться в реку, но силы его были на исходе.

Акива поспешил на помощь. Ветер рванул и сбил ягненка с ног, сильное течение уже уносило обессиленного малыша. Акива бросился в воду, быстрыми движениями добрался до ягненка и вытащил его на сушу. Ягненок был напуган и весь дрожал от холода. Над рекой стояла беседка, и Акива устремился к ней в надежде укрыться от непрекращающегося ливня. Пастух быстро преодолел подъем и подбежал к беседке, прижимая к груди спасенного ягненка. В беседке стояла Рахель. Заметив девушку, Акива поспешно вышел из-под навеса, но до него донеслись слова девушки:

– Куда ты бежишь? Прошу, вернись. Тебе нужна сухая одежда, возьми мою накидку.

Акива движением головы отказался от накидки, но вернулся и молча присел на край скамейки, отвернувшись в сторону

реки, чтобы не смотреть на девушку. От волнения он еще крепче обнял дрожащего ягненка.

– Когда ты спас меня от собаки, я долго молилась, чтобы с тобой все было в порядке, чтобы ты не пострадал за меня. Я не стала никому рассказывать, так как не хотела, чтобы эта история дошла до отца. Если он узнает, он непременно запретит мне кормить собак и лошадей или вообще выходить из дома. Но если бы я не увидела, что на следующий день с тобой было все в порядке, я бы обязательно рассказала отцу и он бы непременно вызвал лучших врачей.

Ты очень храбрый и порядочный человек. Сегодня я имела возможность еще раз в этом убедиться, когда увидела, как ты спас ягненка. Наверное, не многие из пастухов решились бы броситься в реку, даже будь это их собственная овца. А ты бросился спасать животное, которое тебе не принадлежит.

Акива не ответил.

Рахель продолжила:

– Осенью я часто наблюдала, как ты пас овец у реки, но зимой было холодно и я редко приходила сюда. Мне нравится смотреть на воду, на ее движение. Я могу сидеть здесь часами, погружившись в свои мысли и раздумья. Я думаю о жизни, не о самой жизни, не почему мы родились, а о своей роли в ней. Зачем я появилась на этот свет, каково мое предназначение? Часто думаю о будущем. О чем ты думаешь, глядя на реку?

– спросила девушка.

Грянул гром, и ягненок, испугавшись, жалобно заблеял.

Рахель сняла с себя накидку и протянула Акиве:

– Укрой ягненка, ему будет теплее и спокойнее.

Акива принял у Рахель накидку и укутал маленькую овечку. Дождь потихоньку стихал и терял силу. Акива, не попрощавшись, быстро направился к себе, унося с собой спасенного, а Рахель отправилась домой.

Весь вечер пролежал Акива, прижимая к себе накидку Рахель. Он не верил тому, что они встретились и она не насмеялась над ним, а беседовала с ним. Это было похоже на сон, но накидка, которую Рахель дала для того, чтобы укутать ягненка, доказывала реальность произошедшего. Он вдыхал тонкий аромат, исходивший от накидки, и это снова погружало его в переживания сегодняшней встречи. Мечты уносили его далеко, но он пытался успокоиться и заснуть после тяжелого дня. Поутру он решил взять с собой накидку и передать Эзре или кому-то из служащих, чтобы они вернули ее хозяйке.

День наступил прекрасный, на небе не было ни облачка.

Акива погнал овец на пастбище, а сам, как обычно, сел на камень около реки и стал смотреть на воду. Ягненок, спасенный им вчера, пасся рядом, и Акива время от времени поглаживал его по шелковистой шерстке. Душа Акивы была в смятении. С одной стороны, он с нетерпением ждал появления Рахель, а с другой – боялся встречи с ней, так как понимал, что, увидев ее, услышав ее нежный голос, влюбится с еще большей силой и больше не сможет жить без любимой. Беседка пустовала. Солнце стало опускаться за горизонт, и настала пора возвращаться в имение. Акива встал с камня, держа в правой руке посох, а в левой накидку, готовый гнать овец на ночлег, как вдруг услышал голос из беседки:

– Здравствуй, вижу, ты принес мою накидку. Я сейчас спущусь за ней.

Акива растерялся, волнение охватило его. Он не знал, как себя вести и что делать. Рахель в это время осторожно спустилась вниз к реке, и Акива передал ей накидку. Они случайно встретились взглядами. «Она прекрасна как никогда», – подумал Акива, но через мгновение снова отвел глаза в сторону. Забрав накидку, Рахель произнесла:

– Я рада видеть тебя в здравии после вчерашнего происшествия. А где ягненок, которого ты спас?

Акива указал рукой на ягненка, которого он целый день не отпускал от себя.

– Он такой милый. Если бы отец разрешил, я бы забрала его к себе в комнату. Я бы кормила его, купала и даже спала с ним. У него такая нежная шерсть, а глаза такие печальные и красивые. Ты так не считаешь?

Акива молчал – то ли из-за слов Шэтии, то ли из-за опасения сказать глупость и разочаровать Рахель, он и сам не знал.

– Ты всегда такой молчун? – Рахель слегка обиделась. —

А мне нравится разговаривать, особенно в такой прекрасный день. Какую ты любишь погоду? Какое твое любимое время года? – Девушка засыпала Акиву вопросами.

Акива ничего ей не ответил.

– А ты меня хоть слышишь?

Акива утвердительно качнул головой.

– Как хорошо, а то я начала уже волноваться. Ты меня порадовал, я уж подумала, что ты глухой. А говорить ты умеешь?

Акива снова покачал головой, не глядя в сторону прекрасной собеседницы.

– Я знаю, что умеешь, – продолжала настойчивая Рахель, – я слышала, как ты несколько раз разговаривал с Эзрой. Акива молчал.

– Что же ты молчишь? Может, Эзра запретил тебе разговаривать со мной или ты, увидев меня, потерял дар речи?

Акива от волнения снова кивнул.

– Не понимаю, – улыбнулась Рахель. – Ты на все вопросы отвечаешь «да»?

Акива отрицательно покачал головой.

– Вот и первый отказ, – рассмеялась Рахель. Она не собиралась сдаваться: – Имя у тебя есть?

Акива продолжал молчать.

– Вновь превратился в глухонемого? – Рахель было и смешно, и немного обидно. – Ты не хочешь назвать своего имени, не говоришь со мной, не отвечаешь на вопросы и не смотришь на меня. Что такого тебе сказал Эзра? Что если ты посмотришь на меня, то превратишься в статую? – шутила Рахель.

Акива действительно как будто превратился в камень, словно ослеп и оглох.

– Мне пора идти. Отец, наверное, уже волнуется. – Рахель на минуту задумалась и вдруг предложила: – Напиши мне свое имя на песке.

Акива наконец решился заговорить и признался, что не умеет ни писать, ни читать, и после некоторой заминки добавил:

– Мое имя Акива.

Рахель задорно рассмеялась:

– Ты взрослый человек и не умеешь написать даже своего имени?

Рахель ушла, а Акива опустил голову и впал в глубокую грусть. «Зачем я ей сказал, что не умею писать и читать, – думал Акива, – она больше никогда не захочет разговаривать со мной. Конечно, она образованная девушка и первый раз видит такого невежду, как я. Лучше бы я молчал, тогда хоть изредка смог бы видеть ее, слышать ее чудесный голос, но теперь... Теперь она будет сторониться меня».

Глава 3

ОТВЕРСТИЕ

В БОЛЬШОМ КАМНЕ

Сильна, как смерть, любовь.

*Большие воды не могут потушить
любви, и реки не зальют ее.*

Шир а-Ширим, 8:6-7

Следующие несколько дней Акива не видел Рахель и после отдыха в шаббат приступил к своим обязанностям. Он вывел овец из загона и погнал их к реке. Сидя на берегу, он погружился в мысли о Рахель. В этот раз девушка так и не пришла. Акива несколько дней не видел Рахель и даже не надеялся встретить ее, размышляя о предыдущей встрече. Но через день после разговора девушка неожиданно пришла в поле. Она набралась смелости и произнесла:

– Мир тебе, Акива. Мне хотелось бы извиниться за свое поведение. Я в самом деле никогда не встречала людей, которые не умеют читать и писать.

Акива с грустью улыбнулся:

– Многие, когда узнают, что я неграмотен, начинают смеяться надо мной. Сначала меня это очень задевало, а сейчас я уже привык.

– Обещаю, что больше никогда не буду смеяться, – заверила Рахель.

– Благодарю тебя. – Акива действительно был ей благодарен за это.

Рахель выглядела немного усталой, и Акива предложил ей присесть на соседний камень. Она с удовольствием приняла его предложение и, постелив на камень поданную Акивой накидку, присела.

– Тебе удобно? – поинтересовался Акива.

– Да, спасибо, – с готовностью отозвалась Рахель. —

В прошлый раз ты назвал свое имя, а я забыла. Это невежливо. Мое имя Рахель, я дочь Кальбы Савуа.

– Я знаю, – тихо произнес Акива. – У тебя очень красивое имя, в честь кого тебя назвали?

– В честь нашей праматери Рахель.

– Расскажи мне, пожалуйста, о ней, – попросил Акива.

– Тебе и в самом деле неизвестно, кто такая была Рахель?

– удивилась девушка. – Она была женой праотца нашего Яакова. Надеюсь, кто такой праотец Яаков, ты знаешь.

Акива отрицательно покачал головой.

– Я тебе расскажу. Яаков был сыном праотца нашего Ицхака и праматери Ривки. Скрываясь от гнева своего брата, он отправляется к Лавану, брату своей матери. У Лавана было две дочери, старшая Леа и младшая Рахель. Яаков с первого взгляда полюбил Рахель и, чтобы жениться на ней, согласился служить пастухом в доме Лавана семь долгих лет. Семь лет прошли для Яакова как несколько дней, потому что его любовь к Рахель была сильна.

– Семь лет ради права жениться, разве такое возможно?

– не поверил Акива.

– Да, Яаков согласился на это, и время пролетело для него незаметно, потому что он очень сильно любил Рахель.

Рахель немного помолчала, собираясь с мыслями, затем продолжила:

– Слушай, что было дальше. Когда срок истек, Яков пришел к Лавану и попросил отдать ему в жены Рахель. Лаван

согласился, назначил день свадьбы и пригласил много гостей. Яков не доверял ему и договорился с невестой об условном знаке, который она должна была дать ему перед церемонией. Но, когда пришло время свадьбы, Лаван обманул Якова и подменил Рахель на Лею. Яков понял это только после свадьбы, когда она сняла фату, но было уже поздно. Позже он узнал от Рахель, что та, чтобы не опозорить сестру перед гостями, поведала ей об условном знаке.

Лаван предложил Якову отработать еще семь лет в его доме, чтобы тот все-таки смог получить в жены Рахель. Яков сразу же согласился, так как они с Рахель очень любили друг друга. Позже у них родился первенец, которого назвали Йосифом. К несчастью, при родах второго сына, Биньямина, Рахель умерла. – Да, это очень печальная история, – задумчиво произнес Акива. – Думаю, редко кто сегодня смог бы так поступить. Я бы никогда не отдал своего. Если она так сильно любила Якова, зачем отдала сестре?

– Наша праматерь Рахель была очень милосердной. Она сильно любила Якова, но уступила его своей сестре, чтобы спасти ее от позора. Она плакала днями и ночами, что Яков обнимает не ее, ради кого он служил семь лет, но не жалела о своем поступке.

До сего дня иудеи в трудные минуты приходят молиться к ее могиле в Бэйт-Лэхэм*, чтобы пробудить милосердие Вс-вышнего. А наша праматерь Леа вместе с праотцем Яковым похоронены в Хевроне**.

* Бэйт-Лэхэм – букв. «Дом хлеба». Русский вариант – Вифлеем.

** Хеврон – один из наиболее древних городов мира. Находится рядом с Иерусалимом (в 30 км к югу). Иудеи считают Хеврон священным городом, наряду с Иерусалимом, Цфатом и Тверией. На краю Хеврона находится Меарат а-Махпела (Пещера Патриархов), где покоятся наши праотцы и праматери — Авраам и Сара, Ицхак и Ривка, а также Яков и Леа.

– Ты бы смогла поступить как Рахель? – Акива испытующим взглядом посмотрел в глаза собеседницы.

– Не знаю, – честно призналась девушка, – я еще никогда никого не любила. Думаю, что в наше время нет таких людей, как Рахель и Яков, которые готовы пожертвовать всем ради своих любимых.

Рахель любовалась течением реки и молчала.

– Иногда я думаю, – вновь заговорила девушка, – что Рахель недостаточно любила Якова, раз так поступила, а иногда наоборот – до какой степени можно любить человека, чтобы пустить соперницу в свой дом.

- Как же сложилась судьба Якова? – спросил Акива.
- История о Якове и его сыновьях очень длинная, я поведаю тебе как-нибудь, но уже темнеет и мне пора идти. Про наших праотцев Авраама, Ицхака и Якова можно долго рассказывать, – мягко улыбнулась Рахель.
- О праотце Аврааме я знаю, Шэтия о нем много рассказывал, – сказал Акива.
- Хорошо, что ты знаешь о праотце Аврааме, он приходится отцом Ицхаку и дедушкой Якову, – обрадовалась Рахель. — Его огромный шатер стоял посреди пустыни. Авраам радушно встречал путников, проходящих мимо, и вводил их в свой шатер. Он давал им воду, чтобы они могли омыть ноги, а затем кормил и поил. Во времена Авраама люди поклонялись деревянным статуэткам, погрязли в язычестве. Праотец наш Авраам первым публично провозгласил о существовании Единого Б-га. Он еще в раннем детстве понял, что у мира есть Творец и что только Ему и нужно служить и поклоняться, – рассказала Рахель.
- Ты такая юная и так много знаешь! – восхитился Акива.
- Мой отец говорит, что каждый человек должен хорошо знать историю своего народа. Жаль, что ты так мало знаешь о жизни наших праотцев.
- У меня никогда не было возможности учиться, – оправдывался Акива. – Я всю свою жизнь провел в поле, пася скот, или в лесу, собирая сухие ветки, и сейчас уже, наверное, поздно учиться чему-либо.
- Учиться никогда не поздно, – возразила Рахель. – Если найдется время, я буду приходить и рассказывать тебе историю нашего народа. Сегодня канун шаббата, и в доме уже полным ходом идут приготовления. Мне нужно поспешить, так как я тоже должна помочь. Нам предстоит готовить до позднего вечера, а завтра утром делать работу по дому, а затем, с наступлением шаббата, я отправлюсь вместе с отцом в синагогу. Пастух поблагодарил Рахель, и она, прихватив накидку, отправилась в дом. Акива погнал овец на ночлег. На завтра предстояло рано вставать, так как в преддверии шаббата нужно было многое успеть. Лежа в постели, он много думал об историях, рассказанных Рахель, и не успел оглянуться, как за окнами начало светать. Акива немного поел и отправился работать. В имении Кальбы Савуа утром перед шаббатом всегда было много людей. Торговцы овощей привозили лучшие овощи, торговцы фруктов приносили ему лучшие фрукты, а рыбаки – свежую рыбу. Акива, привыкший к предшаббатной суете, уже спокойно воспринимал эту суматоху. Покормив и напоив овец, Акива направился в дом Шэтии, предупредив заранее Эзру об уходе. Рыба, пожаренная на углях, и свежие лепешки в доме господина Шэтии были отменные.
- Акива, я положу тебе еще кусок рыбы? – предложила госпожа Охелия. – Ты много работаешь, нужны силы, хоро-

шенько поешь.

– Возьми еще кусочек, – присоединился к просьбе жены старик Шэтия.

– Благодарю, – сказал, поднося тарелку, Акива. – Нас в доме Кальбы Савуа тоже очень хорошо кормят, и работа

у меня не такая уж и тяжелая. Господин Шэтия, у меня к тебе просьба. Я бы тоже хотел произнести благословение после еды, научи меня.

Шэтия обрадовался несказанно:

– Это замечательно, я с радостью тебе помогу. Если захочешь изучать Священное Писание, я познакомлю тебя с учениками ешив из Иерусалима, и они научат тебя основным молитвам и расскажут историю народа.

– Пожалуйста, научи меня ты, господин. С учениками ешив я не хочу иметь ничего общего.

– Почему ты к ним так относишься? – продолжая есть рыбу, спросил Шэтия.

– Потому что они смотрят на таких, как я, свысока. Какова их основная роль: изучать Тору и помогать людям, верно?

– Да, Акива, так и есть, – подтвердил Шэтия.

– А что происходит на самом деле? Они думают, что выше всех, и совсем потеряли связь с простым народом. Они любезны только с теми, у кого есть деньги, а над такими, как я, смеются и относятся к нам с пренебрежением.

– Ученики ешив тоже разные бывают, – не согласился Шэтия, – мало ли что про них рассказывают. Тебе стоит с ними познакомиться лично.

– Досточтимый Шэтия, за свою жизнь я успел с ними достаточно познакомиться, и те ученики ешив, кого я видел, вели себя ужасным образом. Как только они слышали, что я неграмотный, что не умею писать и читать, они начинали насмехаться надо мной, вместо того чтобы предложить помощь. Они издевались надо мной прилюдно, когда видели торгующим хвостом на рынке, а другие ученики ешив, вместо того чтобы заступиться, остановить их, только смеялись. В те моменты мне было так стыдно, что я краснел и мне хотелось провалиться сквозь землю в ту же секунду, но я опускал голову и продолжал

работать дальше. Вот поэтому, когда я вижу их на улице, мне хочется отомстить им, укусив их так сильно, как кусает осел. Госпожа Охелия внимательно слушала откровения Акивы.

– Акива, если ты их так не любишь, зачем тебе их кусать, и если даже кусать, почему ты хотел покусать их, как осел, а не как собака? – решил смягчить разговор шуткой Шэтия.

– Когда собака кусает человека, она не повреждает его кость. А осел кусает так, что кость ломается. Теперь вы представляете, как я их ненавижу?

– Ненависть – это плохо, – посерьезнел Шэтия. – Имен-

но из-за ненависти между евреями и был разрушен Второй храм.
– Согласен, что ненависть – это плохо. А разве насмехаться над людьми – хорошо? Разве хорошо унижать людей на глазах у других?

Госпожа Охелия только молча качала головой, сокрушаясь об услышанном. До нее и раньше доходили вести о непристойном поведении учеников ешив, но никогда не могла она и подумать, что это правда и все так ужасно. Она верила рассказу Акивы, который говорил от всего сердца, высказывая все, что наболело.

– Разве им позволено с пренебрежением относиться к таким простым людям, как я? Разве они имеют право смеяться над тем, что я не умею читать и писать? – продолжал Акива.
– Нет, Акива. – Шэтия по-отечески дотронулся до плеча гостя. – Конечно, они не имеют права, они должны помогать всем – и богатым, и бедным – относиться с уважением ко всем, невзирая на достаток. Видимо, тебе попадались странные ученики ешив, – после небольшой паузы закончил Шэтия.
– Таких учеников ешив очень много. Если не верите, можете спросить у других простых рабочих. – Акиву уже было не остановить. – Может, с вами и другими уважаемыми людьми они ведут себя иначе, но с простым народом они не церемонятся.

Они считают себя выше нас, а сами не работают, не воюют и вообще не делают ничего полезного. Я, в отличие от них, всегда сам зарабатываю себе на хлеб, а они живут на пожертвования таких людей, как Кальба Савуа, и вместо того чтобы выполнять свои обязанности, думают лишь о том, как бы разбогатеть и окружить себя роскошью.

Акива был в гневе.

– Мне неприятно их общество и их взгляды. Возможно, если бы они относились ко мне по-другому, я бы находил время для учебы, но я разочаровался и в религии, и в этих ученых мужах.

– Акива, уверяю тебя, по большей части они порядочные люди и занимаются очень важным делом – изучением Священного Писания, – пытался переубедить гостя Шэтия, но это было не так-то просто.

Акива продолжал обличать:

– Они изучают Священное Писание с самого детства, и что ты, мой добрый господин, хочешь сказать, что Священное Писание учит их унижать, оскорблять, лгать и насмехаться? Я не просветленный науками человек, но никогда не обману другого, не обижу словом и не пройду мимо человека, который нуждается в помощи, невзирая на то, беден он или богат. Случалось, когда после тяжелого рабочего дня мне удавалось заработать всего одну монету, я делился и ею, видя на улице пожилого бедняка, так как знаю, что у меня сильный организм и я смогу прожить, не поужинав один день, а что будет с ним,

если он сегодня не поест, мне неизвестно. Зато сколько раз мне доводилось наблюдать картину, когда ученики ешив с полными сумками и гордо поднятой головой проходили мимо нищих и не делились с ними даже яблоком.

«Да, – подумал Шэтия, – может, Акива и прав и они плохо относятся к простому народу. Может, со мной и другими

состоятельными людьми они ведут себя иначе, а над такими, как он, насмехаются и издеваются. Теперь я понимаю, сколько унижений пришлось перенести ему и тысячам таких, как он. Кто после унижений и оскорблений захочет пойти учиться грамоте?»

Акива, не обращая внимания на пребывающих в замешательстве супругов, продолжал свою речь:

– Такие люди должны подавать пример смирения, скромности, взаимного уважения, а не делить людей на богатых и бедных, грамотных и неграмотных. Вот поэтому я ненавижу всех религиозных людей, но после встречи с вами моя жизнь сильно изменилась, я многому научился и многое понял. Прежде я никогда не встречал таких людей, как ты и Кальба Савуа. Вы с уважением относитесь к простым людям и стараетесь помочь каждому, вне зависимости от его положения. Ты, увидев меня на улице, предложил мне еду и ночлег, ничего не ожидая взамен, и я понял: не все так плохо, остались и порядочные люди. Извините меня. Во мне накопилось много чувств и мыслей, а поделиться не с кем, – закончил Акива. Шэтия, немного подумав, сказал:

– Таких, как мы, в Иудее немало. Ученики ешив, с которыми я общался в Иерусалиме и других городах, говорили, что всегда рады гостям. И я уверен, что многие, следующие законам Торы и нашего праотца Авраама, сделали бы то же самое и с радостью предложили бы тебе ночлег.

Но Акива вновь возразил своему благодетелю:

– Говорить и делать – разные вещи. Я стараюсь почерпнуть знания из всего, что вижу и слышу, и ваше гостеприимство помогло мне понять, что люди должны своими поступками, а не словами показывать пример другим. И когда богатые и бедные будут поступать по совести, то народ Иудеи и в самом деле станет сильным и сплоченным.

После трапезы Шэтия произносил благословение после еды, и Акива в этот раз все повторял за ним. По окончании шаббата Акива, как обычно, направился в дом Кальбы Савуа. Он уже забыл горячую беседу об учениках ешив, все его мысли были заняты Рахель. Старый Шэтия и госпожа Охелия долго оставались под впечатлением от рассказа Акивы. Они распознали в неграмотном пастухе мудрого и чистого сердцем и помыслами человека.

* * *

Дни сменяли один другой, но Акиве жизнь без встреч с Рахель

казалась однообразной. В один чудесный весенний день, когда Акива по обыкновению пас овец и смотрел на реку, раздался приятный женский голос:

– О чем ты задумался, Акива?

Обернувшись, Акива увидел Рахель, как всегда прекрасную. Ее длинные волосы переливались на солнце, а глаза...

Акива слегка замешкался. Он смотрел на Рахель, как будто впервые видел ее, и не мог произнести ни слова.

– Акива, что с тобой? Ты снова разучился говорить? – весело, как птичка, прошептала Рахель.

– Нет, я задумался. С самого утра смотрю, как течет вода, и думаю о жизни. – Речь наконец-то вернулась к Акиве.

– Я тоже могу часами смотреть на воду и костер, это успокаивает, – подхватила разговор девушка.

– Ты в прошлый раз спешила подготовиться к шаббату, как все прошло? – Акива старался справиться с волнением.

– Шаббат прошел замечательно, было очень весело! Как обычно, у нас гостило много родственников и друзей, они разъехались по домам только вчера вечером, после исхода шаббата. Я помогала работницам прибираться до полуночи, а затем, почитав перед сном молитвы в своей комнате, уснула

и спала сладко-сладко! – Рахель кружилась, подняв грациозно руки, и ее смех звенел, как колокольчик.

Акива не мог оторвать от нее взгляд.

– Рахель, ты еще молодая и должна себя беречь.

Рахель перестала кружиться и теперь дышала немного глубже и чаще. Акива как будто чувствовал ее дыхание.

– Когда много гостей, ты уже не думаешь о том, как себя сберечь, а думаешь лишь о том, как побыстрее все закончить и пойти спать. Вот и вчера я так устала, что сегодня проснулась только в полдень. Но я не забыла прочитать молитву, позавтракала и решила погулять, – ответила Рахель и приветливо улыбнулась.

– Какие молитвы ты читаешь перед сном и утром?

– Перед сном я благодарю милосердного Творца за прошедший день, за то, что я его прожила, а утром – за то, что я проснулась, а затем читаю утренние благословения.

Такой ответ был для Акивы откровением.

– Все люди просыпаются утром, разве за это нужно благодарить?

– Да, Акива, мы должны быть признательными и благодарить Творца за все, что Он делает для нас. Мы привыкли, что просыпаемся по утрам, что солнце всходит и заходит, что день сменяет ночь, что деревья дают плоды, но мы должны понимать, что это все чудо. Все, что происходит в нашем мире, и весь мир существует только по милости Творца.

– О чем еще говорится в молитвах? – Как ново и удивительно было все, что говорила Рахель, и Акива не переставал

удивляться.

– Если бы ты умел читать, я бы принесла тебе молитвослов, чтобы ты изучил его. Я бы дала тебе и другие книги.

– Мне уже поздно учиться читать и поздно становиться на путь истины, которую открывает Творец. – Акива помолчал

и неожиданно с горькой усмешкой добавил: – Ответь мне, пожалуйста, за что? За что мне благодарить Творца? За то, что в тридцать пять лет не умею ни писать, ни читать?

Рахель смутилась и ничего не ответила.

– У тебя есть все, ты молодая, красивая, богатая, умная, тебе есть за что благодарить Творца, а мне, у которого ничего нет, даже дома нет, за что мне благодарить Творца, ответь мне, Рахель? – все более распалялся Акива.

– В этом мире есть много чего, за что ты можешь быть благодарным, научись находить доброе во всем. К примеру, ты можешь быть благодарным за то, что видишь это прекрасное солнце, за то, что слышишь шум реки и трепет листьев на деревьях, за то, что можешь ходить. Да много за что. За то, что у тебя есть работа, за то, что есть крыша над головой. За то, что ты заботливый, внимательный и мудрый. Видишь, сколько всего, – как ребенку, ласково внушала ему Рахель.

– Ты называешь меня мудрым, – усмехнулся Акива. — Ты же меня совсем не знаешь!

– Необязательно много лет знать человека, чтобы понять, мудр ли он. Есть люди, которые много читают и с умным видом рассуждают на разные темы, но даже при большом желании их нельзя назвать мудрыми. Но есть и такие, кто, возможно, и неграмотен, но их мудрость видна на расстоянии. Мудрость – это дар Творца. Она или есть, или ее нет. Акива, если бы ты смог учиться, из тебя получился бы хороший раввин.

– Рахель, мне скоро уже сорок лет, а в школах дети учатся с самого детства. – Акива смягчился и уже не сердился.

Рахель стояла на своем:

– Учиться никогда не поздно.

Девушка бросила взгляд на солнце, уже садившееся за реку. Пора было прощаться.

– Завтра ты придешь? – В голосе Акивы звучали одновременно надежда и отчаяние.

– Пока не знаю. Акива, постарайся открыть новую страницу в своей жизни и подумать над моими словами об учебе. Уверена, у тебя все еще впереди. Постарайся помолиться перед сном, – убегая, посоветовала Рахель.

– Я же не знаю молитвы! – вдогонку ей крикнул Акива.

– Ты просто произноси слова благодарности и говори о том, что у тебя на душе, – уже издали раздался звонкий девичий голос.

После ухода Рахель Акива еще долго сидел у реки и размышлял над ее словами. И перед сном он продолжал думать о разговоре с Рахель. Поблагодарив Творца за прошедший день, за то, что у него есть работа и крыша над головой, Акива крепко уснул.

* * *

Утром Акива снова выгнал овец к реке, мечтая только об одном – чтобы снова увидеться с Рахель. Он снова и снова ловил себя на мысли, что не сможет дальше жить, не видя ее. Он уже не боялся лишиться работы.

Когда вдалеке слышались шаги, Акива повернул голову и увидел долгожданный силуэт. Девушка подошла и тихо произнесла, как в прошлый раз:

– Мир тебе, Акива!

– Мир тебе, Рахель! – затаив дыхание, ответил Акива.

– Совершил ли ты вчера молитву перед сном? – поинтересовалась девушка.

– Перед сном – да, но утром я забыл это сделать, – как бы извиняясь, пастух развел руками.

Рахель осталась довольна.

– Это тоже хорошее начало. Научись благодарить за все милосердного Творца.

– Почему ты постоянно повторяешь «милосердного»?

– спросил Акива.

– Потому что Создатель милосерден к Своим созданиям.

– Рахель, если Он милосерден, почему тогда Он позволил римлянам разрушить Второй храм? – задал Акива непростой вопрос.

– Римляне только инструмент в Его руках, это не они разрушили Храм, это мы своими поступками разрушили Храм. А римляне просто исполнили приговор Творца. Первый храм, храм царя Шломо, – продолжала Рахель свой рассказ, – был разрушен в наказание за три греха: кровопролитие, идолопоклонство и отступление евреев от законов, данных им Б-гом*. Сейчас, когда нет ни идолопоклонства, ни кровопролития, мудрецы приходят к мысли, что у разрушения были и духовные причины. Они склоняются к тому, что Второй храм был разрушен из-за беспричинной ненависти. Наверное, Ему, милосердному, не понравилось, как мы относимся к ближним, мы разучились прощать.

– В чем же это проявлялось? – Акива спрашивал и спрашивал свою добровольную учительницу.

Рахель терпеливо объясняла:

– Это проявлялось практически везде и во всем. Люди переполнили чашу Его безграничного терпения. Незадолго до разрушения Храма имел место такой случай. Один состоятельный человек в Иерусалиме устроил у себя пир и пригласил много гостей, в том числе и моего отца, но он не смог

присутствовать, так как был в отъезде. У хозяина, который устраивал пир, был близкий друг, его звали Камца, а также * Талмуд, трактат Йома, 9б.

заклятый враг, которого звали Бар Камца*. Он послал слугу с приглашением к своему другу Камце, но посыльный перепутал адрес и доставил приглашение Бар Камце. Бар Камца не понял, в чем дело, и еще раз переспросил посыльного, ему ли это приглашение, и посыльный подтвердил.

Решив, что враг желает помириться с ним, Бар Камца, ничего не подозревая, надел дорогие одежды и пришел на пир в дом врага. Он занял место среди гостей, как вдруг хозяин дома его увидел и закричал:

– Что ты тут делаешь, как ты смеешь являться в мой дом без приглашения?

Бар Камца понял, что посыльный ошибся, и произнес:

– Я заплачу за свою порцию, только не позорь меня перед гостями, среди них много уважаемых людей Иерусалима. Как я буду смотреть им в глаза?

Хозяин ответил ему отказом. Тогда Бар Камца предложил оплатить половину всех расходов, но хозяин дома снова не согласился.

– Я готов заплатить за всех! – вскричал Бар Камца. — Только не выставляй меня из дома на глазах у людей!

Но и тогда хозяин дома ответил отказом и настоял, чтобы непрошенный гость покинул его дом. Разгневанный Бар Камца вынужден был уйти с позором.

– Что же, гости, наблюдая за происходящим, сидели и молчали? – спросил Акива.

– Да, среди них было много уважаемых людей и мудрецов, но они предпочли не вступать в конфликт. И тогда Бар Камца решил отомстить и хозяину пира, и его гостям, которые не вступились за него. Он пришел к императору и сообщил ему,

* История о Камце и Бар Камце приводится в Вавилонском Талмуде, в трактате Гитин.

что евреи готовят восстание против Римской империи. В доказательство своих слов он попросил правителя отправить в Храм тельца для жертвоприношения. В дороге Бар Камца нанес тельцу небольшое увечье, зная о том, что, по законам Торы, животные с таким изъяном не годятся для жертвоприношения. Во время обсуждения раввины долго спорили, можно ли приносить этого тельца в жертву. Многие понимали, чем грозит отказ принести жертву римлянам, но тем не менее они отказали римскому императору. Император был в ярости и послал в Иудею армию. Римские войска вторглись в Иерусалим, сожгли Храм и разрушили город.

– Даже и не поймешь, кто прав, а кто виноват, – задумался Акива. – Богач, который устраивал пир и поступил с го-

стем неподобающе? Или мудрецы, которые видели ссору, но промолчали? Или Бар Камца, который из-за личной обиды навел гнев на свой народ?

– Да, это сложный случай. Но это, наверное, косвенная причина произошедшего, она четко отображает то отношение людей к друг другу, которое царило в Иерусалиме. Теперь мы остались без Храма, многих жителей Иерусалима римляне увели в плен, и мой отец очень волнуется за будущее нашего города и народа. Он утверждает, что без сильного лидера нас не будут воспринимать всерьез и римляне поработят нас, – сказала Рахель.

– Разве мало мудрых раввинов, которые могут стать лидерами? – засомневался Акива.

– Наш народ сложно объединить. Большая часть раввинов является лидерами только у горстки своих учеников, но в глазах других они себя опорочили, и поэтому нет одной мощной силы. Акива, знаешь, о чем я часто думаю с тех пор, как познакомилась с тобой? Не знаю, почему, но у меня такое внутреннее ощущение, что если бы ты был грамотным, то смог бы стать лидером. Ты бы смог всех объединить! – призналась Рахель.

– Рахель, о чем ты говоришь? Если такие уважаемые люди не могут объединить народ, что смогу сделать я, простой пастух?

– Слова Рахель прозвучали для Акивы как гром с ясного неба.

– Многие из них больше заняты собой, чем нуждами общины. Акива, я видела, как ты заботлив с овцами, у тебя доброе сердце, и думаю, из тебя получился бы отличный лидер, способный объединить вокруг себя много людей. Почему ты не хочешь научиться грамоте и Торе? – убеждала Рахель.

– Рахель, разве ты забыла, мне тридцать пять лет, мне поздно учиться, – не соглашался Акива.

– Еще не поздно, – убеждала девушка. – Если ты будешь много и усердно заниматься, то слова Торы смогут проникнуть в твое сердце.

– Рахель, и денег у меня нет, чтобы бросить работу и пойти учиться. Благодарю тебя за теплые слова, обо мне еще никто так высоко не отзывался, – грустно сказал Акива.

– Мне пора идти, но знай, Акива, что учиться никогда не поздно. Мудрецы говорят, что мы должны учиться всегда, до самой старости.

Они давно попрощались, но Акива продолжал думать о Рахель и о словах, сказанных ею в его адрес.

Ежедневно Рахель приходила к реке, и они подолгу общались и очень подружились. Акива еще никогда не был таким счастливым: он мог общаться с самой милой и самой лучшей девушкой!

Акива и в этот шаббат направился в дом старого Шэтии, чтобы провести праздничный день с ним и его супругой.

В доме Шэтии позвякивала посуда, это госпожа Охелия убирала со стола после шаббатной трапезы. Шэтия, встрево-

женный молчанием Акивы, спросил:

– Почему ты такой молчаливый сегодня, Акива? Что случилось?

Акива не ответил.

– Акива, мои глаза еще не обманывают меня. Расскажи же, что случилось.

– Я расскажу, только выслушай меня, господин, и не сердись. Мы с Рахель очень сблизились в последнее время. Мы видимся практически каждый день и подолгу беседуем. Скажи, есть ли у меня хоть крупинка надежды стать мужем Рахель, дочери Кальбы Савуа?

– Не послушался ты моего совета, не держался от нее подальше, – грустно произнес Шэтия. – Теперь жди беды. Акива, прошу как старший, забудь о ней, пока не поздно. Так будет лучше для тебя и для нее. Найди другую женщину, достойную тебя, и создай семью, зачем ты мучаешь и себя, и молодую девушку? Возможно, ты ошибаешься и принял ее беседы за особое внимание.

– Господин Шэтия, я уверен, это нечто большее, чем просто беседа. За всю мою жизнь со мной еще никогда такого не случилось. Я не могу забыть о ней ни на минуту, я везде ищу ее, в каждом звуке пытаюсь услышать ее голос, – объяснял Акива.

– Кальба Савуа выгонит тебя из имения тотчас, как узнает о твоих чувствах, и ты снова будешь скитаться по Иудее в поисках заработка, – увещевал подопечного Шэтия.

– Пусть, мне ничего не страшно. Я хочу быть с ней вместе, и пусть он выгонит меня, я не могу без нее жить, – твердил свое Акива.

«Разговоры бесполезны», – подумал господин Шэтия и тяжело вздохнул.

– Господин Шэтия, ты думаешь, я не понимаю, что она для меня несбыточная мечта и мы никогда не сможем быть вместе? Я все прекрасно понимаю, я даже не вижу дна той пропасти, которая разделяет нас. Я знаю, что шанс быть нам вместе

один на миллион. Да, шанс один на миллион, но он все-таки есть, – продолжал Акива.

– Раз ты все сам прекрасно понимаешь, то зачем продолжаешь видеться с ней?

– Я пытался прислушаться к твоему совету, но ничего не могу с собой поделать, это сильнее меня. Я не могу описать, что она для меня значит. Я никогда раньше ничего подобного не испытывал, до встречи с ней я ненавидел эту жизнь и все на свете. Пускай у нас ничего не получится, но я мечтаю только об одном – чтобы это длилось как можно дольше, так как даже за минуту, проведенную с ней, я готов отдать свою жизнь. Я прожил серую жизнь, но теперь мне будет хоть что

вспомнить перед смертью, будет хоть какое-то светлое воспоминание в моей жизни, – грустно произнес Акива.

Шэтии стало жаль Акиву, он видел любовь и уважение, которое пастух испытывал к Рахель, и, немного подумав, произнес:

– Акива, я вижу, что ты уже все для себя решил и никакими уговорами тебя не остановить, но я прошу тебя, обдумай все еще раз.

– Я уже все обдумал и все решил. Если она предначертана мне судьбой, то мы будем вместе.

– Рахель очень хорошая девушка, может, она и в самом деле согласится стать твоей женой и вы проживете достойную жизнь. Знай, Акива, в жизни многое зависит от жены. Если рядом с тобой будет мудрая женщина, которая сможет вызвать твое уважение, то и ты будешь стараться стать лучше, чтобы не огорчать ее.

– Благодарю за добрые слова, уважаемый Шэтия. Мне они сейчас необходимы.

– Ох, Акива, не забывай, – вслух сокрушался Шэтия, – ты почти вдвое старше ее и вы совсем разные люди,

разного положения и достатка, подобная связь часто заканчивается трагично.

– Выходит, что простой человек, как я, не достоин быть счастливым и Рахель не может стать женой бедного пастуха?

– Глаза Акивы блеснули. – Но я хочу попытаться: если она моя судьба, то мы будем вместе. А если нет, то я так и проживу остаток моей жизни в одиночестве, – уныло закончил Акива.

– Акива, Акива, – тяжело вздохнул Шэтия. – Видимо, уже ничего не поделаешь, я с самого начала пытался отговорить и всячески запугивал тебя, чтобы ты оставил эту затею. Вижу, намерения твои серьезны, и я уважаю их.

Господин Шэтия помолчал и затем уверенно произнес:

– Если бы я был на твоём месте и мне нравилась девушка, знаешь, что бы я сделал? Я бы не стал слушать такого старика, как я, а пошел бы и поговорил с ее отцом.

– Я с тобой согласен, но мне очень страшно, страшно потерять Рахель. Ты же понимаешь, уважаемый Шэтия, если Кальба Савуа не даст согласия, то мы с Рахель больше не сможем видеться.

– Я могу сам пойти поговорить с Кальбой Савуа, пусть даже испортятся наши с ним отношения, – предложил старик.

– Нет, это самое главное в моей жизни дело я должен сделать сам, – твердо отказался от помощи Акива.

* * *

Акива вернулся в имение Кальбы Савуа и приступил к своим обязанностям. Ранним утром он пригнал овец к реке и стал ждать прихода Рахель. Он оборачивался на каждый шорох, но Рахель все не было. Уже темнело. Акива в надежде увидеть любимую захотел задержаться у реки дольше обычного. Но,

прождав еще некоторое время, решил вернуться обратно и погнал скот в загон.

В столовой ужинали рабочие, но Акива направился в свою комнату. Зажег свечу и лег. Его мысли были заняты только Рахель, и они напрочь вытеснили из его головы мысли о еде. Он не чувствовал никаких признаков голода, несмотря на то что не ел с самого утра. Он задавал себе только один вопрос: почему Рахель сегодня не пришла, – но не мог найти однозначного ответа. Акива старательно отгонял от себя грустные мысли и мечтал только о новой встрече с ней. В его мечтах они, взявшись за руки, прогуливались вдоль реки, беседуя на разные темы. И когда солнце начинало свой путь назад, они, усаживаясь на высоком камне, наблюдали за прекрасным закатом. В его фантазиях они молча смотрели, как солнце плавно утопает в реке, а облака медленно движутся вдаль. Вокруг стояла упоительная тишина, и только шум листвы и пение птиц изредка нарушали ее.

Стук в дверь прервал мечты Акивы. Он медленно встал, чтобы открыть. В дверях стоял Эзра.

– Мир тебе, Акива, почему ты не пришел ужинать? – спросил управляющий.

– Я немного устал и решил отдохнуть, – ответил пастух, несколько удивленный приходом Эзры.

– Я обеспокоился, не заболел ли ты, и принес тебе ужин.

Поешь, – и Эзра протянул работнику тарелку.

Акива поблагодарил за заботу и поставил поданную тарелку с едой на стол.

Эзра ушел. Акива, не притронувшись к ужину, снова прилег, продолжая думать о Рахель и мечтать о новой встрече. Он хотел заснуть поскорее, чтобы наступил новый день, который обязательно принесет ему встречу с любимой Рахель.

Но и на следующий день надежды не оправдались, и Акива вернулся к себе, так и не повидав Рахель. Он метался по комнате, не находя себе места, перебирая в голове разные варианты

происходящего. Так и не сомкнув глаз до самого утра, пастух вышел из комнаты и пошел к загону.

Гремел гром, и небо было затянуто темными тучами. С самого утра лил проливной дождь. Но, несмотря на это, Акива снова вывел стадо к реке и с нетерпением ждал появления Рахель. Прождав несколько часов и поняв, что дождь только набирает силу и от раскатов грома стадо может разбежаться в разные стороны, Акива был вынужден загнать овец в загон раньше обычного и возвратиться в свое жилище. Ужин и в этот раз не прельстил Акиву. Мысли сменяли одна другую, становясь грустнее и грустнее. «Неужели я потерял ее, и она будет принадлежать другому? – думал Акива, и скупые слезы готовы были заблестеть росинками на его ресницах. —

Если я ее больше не увижу, то не смогу жить».

Акива отгонял от себя навязчивые мысли о расставании с Рахель. «Она не пришла на пастбище, как приходила раньше, может, причиной всему этот непрекращающийся дождь», – утешал он себя.

«Да, точно! Сегодня из-за дождя мне пришлось и овец загнать пораньше», – подумал Акива и немного успокоился.

«Вдруг Рахель все же решила прийти, несмотря на ненастную погоду? – посетила Акиву мысль. – Она ждет меня там, а я, дурак, сижу здесь, в тепле. Немедленно побегу к реке, Рахель, наверное, вся промокла и замерзла».

Акива, ничего не накинув, как был – в тонкой рубашке и холщовых штанах – выбежал из комнаты и ринулся к реке. На улице было темно, и проливной дождь хлестал Акиву по лицу. Он бежал по мокрой, скользкой дороге, падал, но вставал и продолжал бежать. Его одежда испачкалась в грязи, но он не обращал на это внимания и торопился к реке... Подбежав к беседке и не встретив там Рахель, Акива понял, что ее сегодня здесь не было, и почувствовал горькое разочарование.

Акива предположил самое для него страшное: Рахель уже ответила согласием на предложение одного из учеников ешив, и они уже вместе празднуют это событие. Грустные мысли овладевали им все с большей силой. Он был на грани отчаяния, мысль, что она уже принадлежит другому и он ее больше не увидит, разбивала его сердце.

Он мок под дождем, но долго не сводил взгляда с пустующей беседки в призрачной надежде, что Рахель вот-вот появится. Он ждал и не терял надежды, но, осознав, что Рахель не придет, впал в безумное отчаяние, и слезы соленым ручьем потекли по его щекам. Непрекращающийся дождь смывал их с лица взрослого мужчины, но они лились с еще большей силой. Акива, который в последний раз плакал в раннем детстве, ничего не мог с собой поделать. Слезы текли все сильнее и сильнее. – Ты что плачешь? – упав коленями в грязь и подняв руки к небу, обратился Акива к дождю. – Ты же не любишь, как я. Ты даже не представляешь, какая она девушка и что такое прожить день, не видя ее. Сколько дурных мыслей посещают мою глупую голову, и я ничего не могу с этим поделать. Почему мы не виделись сегодня? Может, из-за тебя она сегодня не пришла? Может, ты всему виной? Почему ты льешь и льешь? Почему ты хочешь нас разлучить? Разве ты не видишь, как я страдаю, разве ты не понимаешь, что я умру без нее? Она – это все, что есть у меня в этой жизни, она моя последняя надежда обрести счастье. Акива сделал несколько глубоких вдохов и снова заговорил: – Дождь, ты когда-то сделал мне самый большой подарок в жизни – подарил встречу с Рахель. Ты и в тот незабвенный день лил не переставая, и мы с Рахель встретились в беседке, которая сейчас передо мной. Этот день был самым счастливым

в моей жизни, но теперь ты разлучил нас... До встречи с Рахель я жил как слепец, который ничего не видит и не знает радостей этого мира. Но после встречи с ней я прозрел. Я наконец-то

понял, что жизнь бывает и прекрасной, понял, что существует такой человек, ради которого я готов расстаться с этой жизнью. Теперь ты снова хочешь лишить меня зрения? Зачем ты показал мне свет, а теперь хочешь ослепить меня? Лучше бы я навсегда остался слепым и никогда не видел ее.

Знаешь, если человек с детства лишен зрения и не имеет никакого представления о видимом мире, ему легче жить. Но если когда-то он имел зрение и мог любоваться всеми красками мира, но потом ослеп, то ему нестерпимо больно.

Акива затих и, припоминая голос Рахель, пробормотал:

– Она называла меня по имени, и из ее уст оно звучало сладкой музыкой. А теперь по твоей вине я не только не слышу ее, даже не вижу...

Набрав в легкие как можно больше воздуха, Акива, несмотря на сильный дождь, устремил взгляд в небо и крикнул изо всех сил:

– Дooooooooождь! Как я тебя ненавижу! И весь мир ненавижу! – Акива криком разрывал себе грудь, но дождь заглушал его слова. – Разве мне совсем отказано в праве быть счастливым? Разве я виноват в том, что беден и должен зарабатывать себе на жизнь тяжелым трудом? Я понял, ты плачешь из-за того, что мы оба раньше были одиноки и несчастны, но теперь у меня есть Рахель, моя Рахель, и я самый счастливый человек на свете. Ты мне просто завидуешь, тебя никто не любит, как только ты появляешься, люди скрываются от тебя в своих домах, а меня наконец-то кто-то полюбил, и тебе не удастся все испортить! Знаю, ты тоже думаешь, что я простой пастух и принял ее вежливые беседы за внимание к себе, а сострадание – за любовь. Да, может, оно и так, может, я все выдумал. Но я больше не могу ждать и терпеть неизвестность, я сейчас же пойду к Кальбе Савуа и поговорю с ним, и будь что будет. Может быть, он поймет меня и согласится отдать за меня

Рахель, а если нет – я готов расстаться с жизнью... Мне не нужен мир без нее.

Акива поднялся и как был – в грязном одеянии – решительно направился к дому Кальбы Савуа. Он вытирал слезы рукой и мысленно складывал слова, которые скажет отцу Рахель. Слезы не переставали течь по его щекам, и он смахивал их облепленной глиной ладонью. «Откуда они берутся, проклятые слезы, я же с самого детства не плакал, – думал Акива, – наверное, после встречи с Рахель моя душа отогрелась и в ней проснулось все, что спало так много лет».

Подойдя к дому, пастух увидел, как преклонных лет слуга запирает двери дома на ночь. Акива обратился к нему с прось-

бой провести его в дом для встречи с Кальбой Савуа. Слуга, увидев Акиву в таком неприглядном виде, попытался выяснить, что произошло, но Акива настаивал, чтобы тот провел его в дом. Рахель, чьи окна выходили во двор, услышала спор двух мужчин и выглянула в окно.

Она увидела, что старый слуга не пускал Акиву в дом. Рахель быстро оделась и спустилась вниз.

– Что случилось? – обратилась она к слуге.

– Пастух Акива хочет говорить с твоим отцом, госпожа.

Я ему говорю, что сейчас неподходящее время и Кальба Савуа отдыхает, – объяснил растерянный слуга.

– Иди в дом, я сама с ним поговорю, – приказала Рахель.

Рахель подошла к измазанному грязью и дрожащему от холода Акиве. Вода стекала с его одежд, а из глаз все еще текли слезы, но это уже были слезы счастья, а не печали.

– Акива, – Рахель с тревогой взглянула в его лицо, – что произошло? Почему ты хочешь видеть моего отца, тебя кто-то обидел?

– Нет, – смиренно ответил Акива, низко опустив голову, чтобы Рахель не видела его слез.

– Ты весь промок, ты же заболеешь... Подожди, я принесу тебе теплые вещи, – произнесла Рахель.

Акива, не обращая внимания на слова девушки, задал самый главный для него вопрос:

– Рахель, мы не виделись три дня, и я очень волновался, думал, что с тобой что-то случилось. Почему ты не пришла к реке, я тебя чем-то обидел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.